

МАЛЬЦЕВ Александр Андреевич

Кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики

Уральский государственный экономический университет

620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Контактный телефон: (343) 221-27-10

e-mail: almalzev@mail.ru

Есть ли будущее у экстерналистской трактовки изучения истории экономической мысли?¹

Исследуются проблемы, возникающие при анализе развития истории экономических учений при помощи экстерналистского подхода. Рассмотрены воззрения сторонников изучения развития экономических учений сквозь призму экстерналистской и интерналистской методологии. Выявлены причины невысокой популярности экстерналистского подхода к анализу истории экономической мысли. К числу главных их них отнесено отождествление представителями мейнстрима экономических дисциплин с точными науками с их «вечными» и малозависящими от внешних изменений законами. Другой преградой на пути рассмотрения ИЭУ сквозь призму экстерналистской методологии являются по-прежнему сильные постмодернистские настроения, царящие среди специалистов по истории экономических учений. Показано, что рост интереса к экстерналистским интерпретациям развития истории экономических учений совпадает с крупными хозяйственными кризисами. После завершения социально-экономических пертурбаций популярность экстерналистских воззрений постепенно исчезает. Тенденция расширения плюрализации общественных наук, а также стремление современных исследователей уйти от монокаузальности внушает надежду на то, что наряду с прочими факторами, влияющими на развитие экономической науки, будут учитываться и вызовы, порождаемые хозяйственной средой.

JEL classification: B00, B40

Ключевые слова: история экономической мысли; методология; социально-экономические кризисы; экстернализм.

Введение

После завершения маржиналистского переворота конца XIX – начала XX столетий в экономической науке произошел целый спектр изменений. Одним из его последствий стал рост убежденности значительной части экономистов в том, что экономическая теория развивается исключительно под воздействием интерналистских факторов – появления новых данных и перемен внутри академического сообщества. О глубине проникновения данных представлений в мышление представителей мейнстрима весьма красноречиво свидетельствуют слова Дж. Стиглера: «Главное влияние на экономических теоретиков оказывают внутренние ценности и давление самой дисциплины... Ни популярные экономические проблемы, ни героические события не оказывают большого влияния на развитие экономической теории» (цит. по: [21. Р. 202]).

¹ Статья выполнена при поддержке гранта Президента РФ №МК-5700.2016.6. Настоящая статья базируется на докладе Ал. А. Мальцева «Концепция науки Томаса Куна и экономическая теория: непростая история применения», представленном на VII Всероссийском симпозиуме по экономической теории, проведенном на базе Института экономики УрО РАН 28–30 июня 2016 г. Более подробно основные результаты данного исследования раскрыты в: [5; 9].

Казалось бы, этот методологический нюанс не имеет большого значения для развития экономической науки и тем более для хозяйственной практики. Между тем, как мы продемонстрировали в наших прошлых работах [3; 9], игнорирование влияния внешних факторов на трансформацию экономической науки зачастую приводит не к самым радужным последствиям. В значительной степени в этом «повинна» убежденность значительной части мейнстрима в том, что развитие экономической теории мало зависит от перемен, находящихся за пределами академической среды. Особенно рельефно эта особенность современного основного русла проявилась в ходе Великой рецессии 2007–2009 гг., высветившей серьезные изъяны в развитии главного течения экономической мысли. Далекое не случайно видные специалисты все чаще указывают на необходимость с большим вниманием относиться к изучению внешних факторов, влияющих на экономическую науку.

В статье мы сначала разберем аргументы приверженцев трактовки развития истории экономических учений (ИЭУ) в экстерналистском/«революционном» и интерналистском/«линейно-поступательном» ключе. Затем выявим специфику восприятия экономистами крутых изменений хозяйственной конъюнктуры в качестве детонаторов «переворотов» в экономическом знании. В заключительном разделе статьи будет предложено авторское объяснение причин, обусловивших непопулярность исследований влияния материального прогресса на ИЭУ.

«Революционная» vs «линейно-поступательная» трактовка развития экономической мысли

Без сомнения, теория научных революций американского философа Т. Куна – одна из самых известных концепций, рассматривающих развитие научной деятельности с точки зрения кризисов и революций. В этой классической концепции нас в большей степени интересует трактовка причин, по которым развитие науки происходит путем регулярных переворотов. Проанализируем их более подробно. Как известно, сердцевину куновской модели составляет понятие «парадигма»: «признанные всеми научные достижения, на время обеспечивающие ученому сообществу модель постановки и решения проблем» [34. Р. XIII]. В период становления парадигмы академическим сообществом абсорбируются социальные и культурные особенности окружающего мира. По мере укоренения парадигмы влияние внешних факторов на ученых ослабевает. Движение вперед зрелой науки обеспечивают «...внутренние вызовы, увеличивающие масштаб и точность соответствия между существующей теорией и природой» [33. Р. 119]. Именно этот период, который Т. Кун назвал «нормальной наукой», для ученого становится золотым временем. Исследователь оказывается как бы «под охраной» парадигмы: ему не нужно защищать свое мировоззрение, а используемые им методологические предпосылки и допущения становятся практически неуязвимыми для критики.

В то же время такое интерналистское развитие не лишено недостатков. Ученые, прикрываясь щитом парадигмы, отсекают факты и явления, которые не вписываются в их систему мышления. Однако этот изъян одновременно служит триггером для последующих научных революций [35. Р. 92]. Из-за нежелания замечать многочисленные расхождения между теорией и фактами постепенно накапливается критическое число аномалий, т. е. несоответствий между наукой и практикой, которые ставят под вопрос «...исходно не оставлявшие сомнений фундаментальные обобщения парадигмы» [33. Р. 82]. Лавина аномалий обрушивается на старую парадигму и запускает кризис, вынуждая интегрировать в новую «дисциплинарную матрицу» ученых-революционеров, которых еще недавно не пускали на порог «нормальной науки», в результате чего концептуальные схемы сближаются с внешней средой.

Отметим, что науковедческие схемы Т. Куна предназначались прежде всего для описания процесса развития точных дисциплин. Но, как это часто случается,

представители общественных наук поспешили примерить на себя теоретико-методологические новинки, разработанные для коллег-естественников. Однако в данном случае, с нашей точки зрения, предметы чужого «гардероба» оказались впору. Например, историки мысли с успехом использовали идеи Т. Куна, чтобы интерпретировать эволюцию экономических учений. В результате приложения концепции парадигм к ИЭУ сформировалась серьезная альтернатива виговскому представлению о развитии экономической теории как безостановочном пути от мнимых концепций к истинно верным. С опорой на авторитет одного из «наиболее влиятельных философов науки XX столетия» [14. P. 93] релятивисты могли легче обосновать свою позицию, которая во многом пересекалась с воззрениями Т. Куна, считавшего, что «...ни одна парадигма не лучше и не может быть лучше какой-либо другой» (цит. по: [38. P. IX]). Среди известных ученых, применявших «кризисную» философию науки Т. Куна к анализу ИЭУ, можно отметить А. У. Коутса, Р. Стэнфилда, М. Шабас, М. де Врузья, А. Айхнера и Я. Кергеля, Ш. Доу, У. Дольфса и П. Уэлча, др.

Представление развития экономической теории в революционном свете было воспринято в штыки приверженцами тезиса А. Маршалла: «Природа не делает скачков». Критики возражали против двух моментов. Во-первых, из-за терминологической многомысленности и неопределенности затруднительно использовать идеи Т. Куна в экономике, которая претендует на звание точной науки. Дж. Стиглер писал с досадой: «Моя главная претензия к Куну заключается в его неспособности достаточно подробно прояснить природу парадигмы, чтобы его центральный тезис мог быть протестирован эмпирически» (цит. по: [24. P. 10]). Во-вторых, по мнению критиков, концепция Т. Куна непригодна для описания ИЭУ, ибо в экономике не бывает подлинных революций, как в естествознании, и отживший свое концептуальный каркас никогда полностью не растворяется в пришедшей на смену ему дисциплинарной матрице. Поэтому исследователям истории экономических учений следует вычеркнуть слово «парадигма» из своего лексикона и, по рекомендации М. Блауга, изгнать его из экономической литературы [13. P. 349].

Необходимо признать, что возражения критиков «кунизации» ИЭУ, несмотря на некоторую категоричность, не лишены смысла и вполне аргументированны. Мы согласны с тем, что у кумулятивного взгляда на ИЭУ, присущего ученым, которые используют философию И. Лакатоса, имеются серьезные достоинства. Действительно, применительно к ИЭУ более уместно говорить не о переворотах в духе Т. Куна, а о постепенных изменениях или, в лакатосовской терминологии, «защитных поясах» (вспомогательных концепциях), которые окружают «твердые ядра» (неизменные сущности различных исследовательских программ). Во многих современных работах показано, что экономисты, давно заслужившие репутацию радикальных «революционеров», вовсе не сжигали дотла интеллектуальные мосты, связывавшие их со своими предшественниками. Например, Р. Хейлбронер приводит убедительные доказательства того, что А. Смит, которого обычно изображают как разрушителя меркантилизма, был приверженцем одного из ключевых меркантилистских принципов, а именно «...поддержки полномасштабного, а не минимального вмешательства государства в экономику» (цит. по: [25. P. 33]). Специалисты из Италии М. Дарди и М. Галлегати развеивают представление о Дж. М. Кейнсе как ученом, полностью порвавшим с идеями А. Маршалла, своего учителя, и со всей неоклассической теорией [22. P. 255–256].

Итак, нелепо утверждать, что при создании очередной теории в ИЭУ устаревший корпус знаний всегда подлежит «сносу», а на площадке, очищенной от обломков старой парадигмы, возводится новое концептуальное строение. Однако оппоненты кунианцев справедливо отмечают, что более правдоподобной кажется другая схема. «Бунтовщики», как правило, делают капитальный ремонт, но не демонтируют старую постройку. Таким образом за обновленным внешним видом сохраняется прежний несущий каркас.

Представляется при этом, что и критики, и сторонники применения идей Т. Куна к анализу ИЭУ одинаково неспособны разглядеть лес за деревьями. У концепции научных парадигм, по нашему мнению, есть несколько недооцененных преимуществ. Во-первых, Т. Кун определил соотношение влияния внешних и внутренних факторов на различных этапах развития научной деятельности: на этапе зрелости развитие науки эндогенно, а в фазе кризиса на нее значительно воздействуют экзогенные факторы. Во-вторых, в концепции Т. Куна показано, что новые идеи в ходе превращения в парадигму проходят через «чистилище» кризиса. Экономисты – последователи философии Т. Куна, к сожалению, не прорабатывая эти грани наследия ученого, сосредоточили усилия на доказательствах наличия парадигм в экономической теории. В свою очередь, их противники – антикунианцы, упустили, что сторонники Т. Куна фактически игнорировали анализ внешних условий, обуславливающих периодические кризисы экономической мысли или, в крайнем случае, сопутствующих им. Вместо этого они смаковали понятийную расплывчатость своих визави и злорадствовали над их затруднениями в поисках парадигм в истории экономических учений, которые отвечали бы критериям естественных наук.

Роль социально-экономических кризисов в развитии экономической мысли

Ожесточенные казуистические споры вокруг вопроса о применимости термина «парадигма» к ИЭУ заслонили слабую изученность природы кризисов в экономическом знании. Тексты, посвященные упадку экономической теории, как правило, содержат многочисленные претензии экономистов-гетеродоксов и предсказания скорого краха текущей ортодоксии. Намного реже встречаются тексты внезапно прозревших представителей мейнстрима, которые пришли в ужас от состояния дел в основном русле и теперь занимаются азартным самобичеванием. Впрочем, и те и другие, устав от обличения «главного течения», или искренней самокритики, весьма редко пытаются осмыслить причины такого неудовлетворительного состояния дел. Корень проблем эксперты усматривают в самой теории или в ошибках академического сообщества, а на увязку возникающих сбоев в экономической теории и хозяйственных явлений, равно как и на социально-экономическую обусловленность зарождения новых учений, наложено негласное табу, нарушить которое решались лишь немногие смельчаки.

Одним из них оказался М. Фридман, прямо говоривший о том, что «...изменение в состоянии общественного мнения осуществляется практикой, а не теорией или философией», а социально-экономические катаклизмы выступают катализатором изменений в мире экономических идей. В 1982 г. нобелевский лауреат утверждал: «Только кризис... вызывает реальные изменения. Когда случается такой кризис, предпринимательские действия зависят от идей, которые лежат вокруг. В этом, я думаю, и заключается наша (экономистов. – Ал. М.) главная функция: развивать альтернативы существующей политике, сохранять и поддерживать эти идеи, пока политически невозможное не станет политически неизбежным» [28. Р. XIII–XIV]. Более точно эту мысль выразил монетарист А. Мельцер. Продолжая фридмановскую линию рассуждений, автор афоризма «капитализм без провалов – это как религия без греха» (цит. по: [32]) предположил, что «...идеи – это альтернативы, которые ждут, чтобы кризис стал катализатором изменений» (см.: [2. С. 189]).

Немногие, впрочем, покушались на сциентистскую химеру мейнстрима. Отношение к пониманию развития ИЭУ через призму кризисной парадигмы несколько смягчилось в 1970-е годы, когда в период стагнации в странах ОЭСР экономическое сообщество заново открыло для себя Й.А. Шумпетера и заинтересовалось циклично-волновой концепцией Н.Д. Кондратьева. Однако энтузиазм длился недолго. Уже к концу 1980-х годов после публикации работ С. Соломоу [39; 40], который на базе статистического анализа показал, что в истории мировой экономики отсутствуют четко

идентифицируемые длинные волны конъюнктуры, подобные попытки сошли на нет, оставшись уделом небольшой части гетеродоксальных экономистов.

Однако некоторые ученые отказались следовать методологической моде и настаивали на том, что необходим обязательный учет воздействия кризисных явлений в экономике на зарождение новых теорий. Например, О. И. Ананьин в 1997 г., работая с американскими исследователями Ф. Аккерманом, Н. Гудвин и Т. Вайскопфом и обосновывая актуальность написания учебного пособия «Микроэкономика в контексте», особо подчеркивал его нацеленность на «...анализ способов развития экономической теории в ответ на экономические проблемы реального мира» [30. Р. 6]. Немало усилий израильского социолога науки Ю. Йоная в книге «Битва за душу экономики» (1998) были направлены на дезавуирование «...смехотворного утверждения, что великие события, подобные Великой депрессии или высокой инфляции 1970-х годов, не влияют на экономическую мысль» [44. Р. 212]. Даже несмотря на эти работы, написанные настоящими мастерами своего дела, в 1990-х годах в историографии экономической науки бал правили приверженцы Л. Роббинса, который известен, помимо прочего, своей вполне однозначной позицией насчет того, что изменения «...технической и социальных сред... не важны для экономиста» [37. Р. 37].

Тем не менее цикличность развития мирового хозяйства вновь преподнесла неприятный сюрприз экономистам, которые отрицали релятивистскую суть экономического знания. В период «Великой рецессии» 2007–2009 гг. ученые заговорили о том, что хозяйственные неурядицы служат мотором потенциальных изменений в экономической науке, причем об этом говорили даже те, кто сделали имя на разработке утонченных экономико-математических концепций, весьма отдаленных от реальности, и, вероятно, в глубине души считали, что «...если мир не соответствует теории, тем хуже для него» [20. Р. 14]. Например, в 2008 г. К. Эрроу, совместно с Ж. Дебре создавший в 1954 г. модель, которая математически доказывала возможность достижения равновесия, увидел в «...текущем финансовом кризисе... вызов для стандартной экономической теории» [10]. О. Бланшар, тогда работавший профессором Массачусетского технологического института, за месяц до краха банка *Leman Brothers*, что запустило финансовое цунами 2008–2009 гг., заявил: «...макроэкономика переживает период великого прогресса и энтузиазма...» и в общем «...находится в хорошем состоянии» [12. Р. 2, 26]. Однако тремя годами позже ученый, ставший главным экономистом Международного валютного фонда, оставив сочинение панегирических од *economics*, призвал ученых-экономистов «...переписать основные принципы работы макроэкономистов» [11].

Интересно, что к столь радикальному переосмыслению своего взгляда на ситуацию в экономической теории маститый эксперт пришел в результате кризиса. Как оказалось, до 2008–2009 гг. О. Бланшар, как и многие другие «узники» экономико-математического формализма, пребывали в блаженном неведении, полагая, что мир становится лучше, а «...крупные экономические кризисы – финансовый кризис, экономический кризис – стали достоянием прошлого» [43]. Только после «Великой рецессии» они осознали, что необходима ревизия основных устоев макроэкономики.

Как видим, даже столь краткий обзор литературы свидетельствует о многократности описания влияния кризисов на развитие экономической теории, но, вместе с тем, большинство авторов лишь слегка поцарапали исследовательским «плугом» научную целину под названием «воздействие кризисов на ИЭУ». Таким образом, по-прежнему, ждет своего претворения в жизнь задача сведения ИЭУ и экономической истории в одно исследовательское поле. Кстати, профессору университета Хитоцубаши Ю. Шиноя она видится комбинацией «Бизнес-циклов» Й. А. Шумпетера с его же «Историей экономического анализа». Одним из первых шагов в части ее реализации, на наш взгляд, должно стать объяснение причин принижения многими экономистами роли изменений социально-экономического ландшафта в развитии экономического знания.

Почему экономисты прижимают роль внешних факторов в развитии своей дисциплины

На первый взгляд, только вышеперечисленных фамилий авторов, придающих важное значение роли трансформации хозяйственной среды в развитии экономической мысли, достаточно, чтобы усомниться в справедливости нашего тезиса о недооценке экономистами экстерналистских факторов в эволюции их дисциплины. Однако, как бы это ни показалось парадоксальным, «широкоформатных» исследований цепочки: «хозяйственные сдвиги – перемены в сфере экономических учений» пока не проводилось. В лучшем случае специалисты анализируют единичные фрагменты воздействия модификации социально-экономических условий хозяйствования на экономическую мысль. Помимо этого, подавляющее большинство попыток продемонстрировать влияние изменений материальной культуры на возникновение новых или ревизию старых экономических воззрений приходится на интервал от появления зачатков экономического знания в древности до формирования классической политической экономии в период Промышленной революции. М. Блауг был в числе первых, кто обратил внимание на этот пробел и расценил его как доказательство фиаско релятивизма – направления в историографии экономической науки, сторонники которого связывают сдвиги в ИЭУ преимущественно с трансформациями в политико-экономической сфере. Даже учитывая то, что М. Блауг замалчивал отдельные вполне успешные попытки релятивистских реконструкций развития истории экономической мысли в «постклассический» период, следует признать очевидное. Слишком многие релятивисты, анализируя развитие экономической мысли в конце XIX – начале XXI столетия, действительно не заходят дальше элементарной фиксации некоторой зависимости ИЭУ от того, как перестраивался технико-организационный ландшафт мирового хозяйства.

Однозначно интерпретировать этот феномен сложно. Отчасти подсказка обнаруживается в пророчестве марксистов, гласящем, что при достижении некоторого уровня развития производительных сил базисно-надстроечный комплекс развернется на 360 градусов. «С момента появления „научного знания“ оно „воспаряет“ над материей и движется к тому, чтобы господствовать над ней... По существу [знание] сливается с материей, придавая материи новое качество», – поясняет этот грациозный диалектический трюк Ю. Я. Ольсевич [6. С. 17]. Марксистское предсказание уже с конца XIX века стало сбываться. В 1870-е годы началась Вторая промышленная революция, которой свойствен переход от случайных инноваций к систематическим открытиям, т. е. «...наука ... перестала принадлежать исключительно к надстройке ... став материальным базисом общества» [41. Р. 11–12]. Одновременно на фоне всеобщей сциентизации ученые-экономисты стали приобщаться к моде ходить в кафтане, скроенном по лекалам дисциплин естественных наук. Экономисты убедили себя в родстве с «большой» наукой, которая превратилась в основной двигатель общественного прогресса, и смогли подвести обоснование под свою независимость от воздействия внешней среды и, как должно настоящим ученым, стали утверждать, что «...Вселенной управляют надежные, неизменные, абсолютные, универсальные математические законы» [23. Р. 192], объясняющие всё *вне культурного исторического контекста* [1. С. 33].

Наверное, непопулярность исторических реконструкций экономических идей, которые возникали после 1870-х годов, обусловлена распространением идей о том, что экономика в последней трети XIX века превратилась из Золушки в императрицу социальных наук, стала своеобразной социальной физикой и, следовательно, получила защиту от внешних условий. Вышепротитированное высказывание Дж. Стиглера наглядно свидетельствует об этом.

Многие современные специалисты в области истории экономических учений также скептически относятся к попыткам реконструкции развития экономических учений

через призму релятивистского подхода. По-прежнему сильные, пусть активно и не артикулируемые, постмодернистские настроения, царящие в среде историков экономической мысли (см. подробнее: [3; 4]), во многом объясняют невысокую популярность экстерналистских интерпретаций ИЭУ, в которых постмодернисты усматривают рецидивы модерна с присущим ему культом жесткого детерминизма и всеобъемлющих объяснительных схем. Неудивительно, что понимание эволюции экономической теории в представлении Дж. Стиглера как продукта исключительно эндогенного развития сообщества экономистов распространилось на все науковедение: «...со времен Второй мировой войны попытки объяснить содержание и научные теории на основе социальных условий практически исчезли».

Казалось бы, релятивистские тезисы даже в послевоенный период разделял целый ряд богоподобных фигур с самой вершины экономического Олимпа. Однако, несмотря на непререкаемый авторитет, у призывов таких ученых, как, скажем, М. Фридман, видеть в хозяйственных и политических кризисах важный двигатель развития экономической науки, нашлось немного последователей в мейнстриме. Видимо, представителей основного русла отпугнули столь провокационные заявления: если признать, что над воротами, через которые новые идеи входят в храм науки, размещена вывеска «Социально-экономический кризис», то придется согласиться с тем, что экономическая мысль темпорально нестабильна и подвержена влиянию циклических колебаний мирохозяйственной системы. Как следствие законы экономической теории, которая не хочет не уступать физике по своему прогностическому потенциалу, совсем не универсальны и точно не «...имеют одинаковой силы во все времена» [42. Р. 4]. Иначе говоря, если допустить, что в экономике отсутствуют вневременные «закономерности, аналогичные найденным в естествознании», то надломится вера мейнстримных экономистов в то, что их наука «...способна опираться на те же общие принципы и методы классической термодинамики и в целом физики» [27. Р. 1].

При такой логике, даже невзирая на революционные изменения социально-экономического ландшафта, экономисту не следует сомневаться в непреложности экономических законов. Приведем следующую ироническую аналогию: в представлении коллег-ортодоксов ученый, который призывает корректировать принципы «Ее Величества» экономики вослед за неким хозяйственным кризисом, подобен синоптику, предлагающему каждый раз переписывать физические законы в зависимости от погодных изменений. Понятно, что оба получают отказ в работе на профессиональной ниве.

Только в последние годы на фоне потускнения былой веры в могущество науки и общую демократизацию интеллектуальной атмосферы неоспоримость интернализма в science studies стала не столь очевидна. Как известно, современное обществоведение скептически относится к обобщающим метатеориям, учитывающим внешние факторы социальных изменений. Однако нарастающая усталость оттого, что «микроисторики», закликающиеся на изучении «...биографий малозначимых людей и трудностей небольших сообществ», чрезмерно упрощают обществоведческий дискурс [15. Р. 40], вновь вызывает потребность в «макроисториях», которые фокусируются на этапах развития общественных систем и выявляют законы их эволюции [29. Р. 2–3]. В связи с этим следовало бы поинтересоваться мнением современных специалистов о необходимости возвращения «тотальной истории» (термин Ф. Броделя), которая скрепляет прошлое и настоящее в неделимое целое [17. Р. 1]. Отметим для начала, что не только обществоведы выступают против чрезмерной фрагментированности всей системы знаний. По словам лауреата Нобелевской премии по физике 1969 г. М. Гелл-Мана, «...существует потребность в дополнении растущей специализации [физики] ее интеграцией. Дело в том, что ни одна комплексная, нелинейная система не может быть адекватно описана путем деления ее на подсистемы... в этом плане в старой поговорке: „Целое есть нечто большее, чем сумма его частей“ кроется глубокая правда» (цит. по:

[16. P. 25]). Ему вторит Д. Кристиан, известный австралийский ученый-гуманитарий, профессор истории Университета Маккуори: «В течение следующих пятидесяти лет мы увидим возвращение древней традиции – универсальной истории...» [18. P. 6].

Авторитетные российские экономисты неоднократно высказывали близкие идеи. Например, академик В.М. Полтерович выдвинул гипотезу о становлении «общего социального анализа» как сплава всех социальных дисциплин, объединенных общим объектом исследования – «функционирование и развитие общественных институтов» [7. С. 108–109], а также единым аналитическим аппаратом, опирающимся на эконометрику и теорию игр. Академик Л.И. Абалкин предлагал объединить конгломерат разрозненных социальных дисциплин в рамках одной эклектичной науки под названием «обществоведение» (см.: [8]).

Признаки движения обществоведов к расширению контекста своих исследований и преодолению дисциплинарной замкнутости заметны и среди специалистов по ИЭУ [5]. Многие из них не согласны с популярным подходом к развитию экономической мысли как совокупности не связанных между собой историй жизни и деятельности великих экономистов прошлого. Их больше не интересует, чей вклад в развитие экономической теории был наибольшим, они предпочитают вместо этого исследовать «интеллектуальную историю капитализма в контексте социальной и политической мысли». Многие представители историко-экономического сообщества стремятся отойти от изучения набора разрозненных стоп-кадров, запечатлевших своеобразные иконы «экономических святых», и заняться рассмотрением «экономических идей в контексте экономической, религиозной, правовой и прочих историй». Доцент Орхусского университета датчанин К. О. Кристиансен верно замечает, что по сути история экономической мысли и теории постепенно замещается «историей экономической жизни» [19. P. 25, 28]. Квинтэссенцией этих чаяний стал совместный проект Кембриджского и Гарвардского университетов «Обмен экономическими, правовыми и политическими идеями» (Exchanges of Economic, Legal and Political Ideas), запущенный в 2004 г. и объединивший таких исследователей, как Э. Ротшильд, Г. С. Джонс, Д. Тодд, др. [26]. Генеральной целью эксперты назвали создание новой истории экономических идей, «...свободной от господства национальной истории и культуры... создающей пространство для сотрудничества историков экономической мысли, экономических историков, а также историков бизнеса и предпринимательства» [39].

Разумеется, точно предсказать дальнейшую траекторию развития ИЭУ в частности и общественных наук в целом не под силу самым незаурядным интеллектуалам. Думается, однако, что общее направление движения определено учеными верно. Общественные дисциплины будут отыскивать пути преодоления чрезмерной специализации, и, вероятно, в будущем сформируется некая синтетическая наука об обществе, в которой достойное место займет история экономических учений. Переиначивая высказывание Э. Шредингера, одного из отцов-основателей квантовой механики, можно сказать, что у человечества имеется достаточно фактологического материала, чтобы свести воедино все известное нам до сих пор. Иными словами, мультидисциплинарность и методологическая эклектичность – это не девиация, которую следует игнорировать, как это делают сторонники сохранения межпредметных границ, а норма обществоведческих исследований. Кроме этого, растет уверенность в том, что «новая» история экономических учений, наряду с прочими факторами, влияющими на развитие экономической мысли, станет учитывать роль материального прогресса. По крайней мере, растущий интерес современных обществоведов к установлению «...зависимости эволюции культур от возможностей и проблем, формулируемых материальным миром» [31] увеличивает шансы на это.

Источники

1. Готлиб А. С. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. М.: Флинта, 2014.
2. Кляйн Н. Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф. М.: Добрая книга, 2011.
3. Мальцев А. А. Гипотеза о техницистской истории экономической мысли // *Общественные науки и современность*. 2016. № 5. С. 30–48.
4. Мальцев А. А. Методологический ландшафт истории экономических учений: новые историографические альтернативы и возможности // *Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика*. 2016. № 1. С. 44–63.
5. Мальцев А. А. Перспективы междисциплинарных исследований в области истории экономической мысли // *Труды Уральского государственного экономического университета: сб. науч. ст.: в 2 т. / отв. за вып.: Е. Б. Дворяждина*. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2016. Т. 1. С. 93–98.
6. Ольсевич Ю. Я. Психологические основы экономического поведения. М.: ИНФРА-М, 2010.
7. Полтерович В. М. Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 101–111.
8. Столбов М. Кризис экономики или кризис экономической науки? URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document129890.phtml>.
9. Татаркин А. И., Мальцев А. А. Трансформация научного знания под воздействием экономических кризисов // *Журнал экономической теории*. 2016. № 3. С. 12–27.
10. Arrow K. Risky Business // *The Guardian*. 2008. October 15.
11. Blanchard O. Rewriting the Macroeconomists' Playbook in the Wake of the Crisis. URL: <http://blog-imfdirect.imf.org/2011/03/04/2662>.
12. Blanchard O. The State of Macro. NBER Working Paper No. 14259. Washington, DC: NBER, 2008.
13. Blaug M. Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics // *The Philosophy of Economics: An Anthology / ed. by D. M. Hausman*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
14. Boumans M., Davis J. B. *Economic Methodology: Understanding Economics as a Science*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2010.
15. Burke P. *History and Social Theory*. Cambridge: Polity Press, 2005.
16. Christian D. Macrohistory: The Play of Scales // *Social Evolution and History*. 2005. Vol. 4. No. 1. P. 22–59.
17. Christian D. *Maps of Time: An Introduction to Big History*. Berkeley: University of California Press, 2004.
18. Christian D. The Return of Universal History // *History and Theory*. 2010. Vol. 49. Issue 4. P. 1–16.
19. Christiansen C. O. From the «History of Economic Thought» to «Economic Intellectual History» // *Ideas in History: Journal of the Nordic Society for the History of Ideas*. 2012. Vol. 6. No. 2.
20. Christodoulakis N. *How Crises Shaped Economic Ideas and Policies: Wiser After the Events?* Heidelberg, N. Y.: Springer, 2015.
21. Coase R. H. *Essays on Economics and Economists*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1994.
22. Dardi M., Gallegati M. Alfred Marshall on Speculation / Alfred Marshall: Critical Assessments / ed. by J. C. Wood. L., N. Y.: Routledge, 1996. Vol. VIII.
23. Davies P. *Taking Science on Faith* // Yagelski R. P. *Writing: Ten Core Concepts*. Stamford: Cengage Learning, 2015.

24. Drakopoulos S. A., Karayiannis A. D. A Review of Kuhnian and Lakatosian «Explanations» in Economics. MPRA Paper. 2005. No. 16624.
25. Dunn B. Neither Free Trade nor Protection: A Critical Political Economy of Trade Theory and Practice. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2015.
26. Exchanges of Economic, Legal and Political Ideas. URL: <http://www.fas.harvard.edu/~histecon/exel>.
27. Faggini M., Parziale A. The Failure of Economic Theory. Lessons from Chaos Theory // Modern Economy. 2012. No. 3. P. 1–10.
28. Friedman M. Capitalism and Freedom. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2002.
29. Galtung J. Macrohistory and Macrohistorians: A Theoretical Framework // Macrohistory and Macrohistorians: Perspectives on Individual, Social, and Civilizational Change / ed. by J. Galtung, S. Inayatullah. Westport: Praeger, 1997.
30. Goodwin N. R., Ananyin O. I., Ackerman F., Weisskopf T. E. Economics in Context: The Need for a New Textbook. Global Development and Environment Institute Working Paper No-00-02. 1997.
31. Jackson W. A. Economics, Culture and Social Theory. Cheltenham: Edward Elgar, 2009.
32. Jeremy Cliff Interviews Professor Allan H. Meltzer. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2003/06/pdf/people.pdf>.
33. Kuhn T. The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1977.
34. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. With an Introductory Essay by Ian Hacking. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2012.
35. Olasky M. N. The Aborted Debate Within Public Relations: An Approach Through Kuhn's Paradigm // Public Relations Research Annual / ed. by J. E. Grunig, L. A. Grunig. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1989. Vol. 1.
36. Project Objective. URL: <http://www.fas.harvard.edu/~histecon/exel/objective.html>.
37. Robbins L. An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. L.: MacMillan & Co., 1932.
38. Rothbard M. N. An Austrian Perspective on the History of Economic Thought. Auburn: Ludwig von Mises Institute, 2006. Vol. 1.
39. Solomou S. Non-Balanced Growth and Kondratieff Waves in the World Economy, 1850–1913 // The Journal of Economic History. 1986. Vol. 46. Issue 1. P. 165–169.
40. Solomou S. Phases of Economic Growth: Kondratieff Waves and Kuznets Swings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
41. Stehr N., Ericson R. The Culture and Power of Knowledge // The Culture and Power of Knowledge: Inquiries into Contemporary Societies / ed. by N. Stehr, R. Ericson. Berlin, N. Y.: Walter de Gruyter, 1992.
42. Tieben B., Keizer W. Introduction: Austrian Economics in Debate // Tieben B., Keizer W., van Zijp R. Austrian Economics in Debate. L.: Routledge, 1997.
43. Wessel D. Olivier Blanchard's Five Lessons for Economists from the Financial Crisis. URL: <http://blogs.wsj.com/economics/2013/04/01/olivier-blanchards-five-lessons-for-economists-from-the-financial-crisis>.
44. Yonay Y. P. The Struggle over the Soul of Economics: Institutional and Neoclassical Economists in America between the Wars. Princeton: Princeton University Press, 1998.

Is There a Future for the Externalist Approach to Studying the History of Economic Thought?

by Aleksandr A. Maltsev

The paper examines the problems arising in the analysis of the development of the history of economic thought (HET) with the use of the externalist approach. The author considers the views of proponents of studying the development of economic doctrines through the externalist and internalist methods and reveals the reasons behind low popularity of the externalist approach to the analysis of the history of economic thought. Among the key ones is the mainstream economists' identification of economic science with the exact sciences, which have their "eternal" laws resistant to external changes. Another obstacle to considering HET through the prism of externalist methodology is yet strong postmodernist sentiments prevailing among the specialists in the history of economic thought. The author proves that the growing interest in externalist interpretations of the HET development coincides with major economic crises. However, upon the completion of socioeconomic perturbations, the popularity of externalist views gradually disappears. From the author's viewpoint, the future of the externalist approach to studying the history of economic thought depends on the development of the trend towards growing pluralization of social sciences, as well as the desire of modern researchers to evade monocausality.

Keywords: history of economic thought; methodology; social and economic crises; externalism.

References:

1. Gotlib A. S. *Vvedenie v sociologicheskoe issledovanie: kachestvennyj i kolichestvennyj podhody* [Introduction to sociological research: Qualitative and quantitative approaches]. Moscow: "Flinta" Publ., 2014.
2. Klyayn N. *Doktrina shoka: rascvet kapitalizma katastrof* [The doctrine of shock: The heyday of catastrophe capitalism]. Moscow: "Dobraya kniga" Publ., 2011.
3. Maltsev A. A. Gipoteza o tekhnichestkoy istorii ekonomicheskoy mysli [Hypothesis about the technicist history of economic thought]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost – Social Sciences and Modernity*, 2016, no. 5, pp. 30–48.
4. Maltsev A. A. Metodologicheskij landschaft istorii ekonomicheskikh ucheniy: novye istoriograficheskie al'ternativy i vozmozhnosti [Methodological landscape of the history of economic thought: New historiographical alternatives and opportunities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika – Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics*, 2016, no. 1, pp. 44–63.
5. Maltsev A. A. Perspektivy mezhdisciplinarnykh issledovaniy v oblasti istorii ekonomicheskoy mysli [Prospects for interdisciplinary research in the field of the history of economic thought]. In: Dubrovsky V. Zh., Maramygin M. S., Kokovikhin A. Yu., Solovyeva V. P. *Trudy Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Works of the Ural State University of Economics]. Yekaterinburg: Ural State University of Economics, 2016, pp. 93–98.
6. Olsevich Yu. Ya. *Psihologicheskie osnovy ekonomicheskogo povedeniya* [Psychological basis of economic behaviour]. Moscow: INFRA-M Publ., 2010.
7. Polterovich V. M. Stanovlenie obshhego social'nogo analiza [The formation of general social analysis]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost – Social Sciences and Modernity*, 2011, no. 2, pp. 101–111.
8. Stolbov M. *Krizis ekonomiki ili krizis ekonomicheskoy nauki?* [Crisis of the economy or the crisis of economic science?]. Available at: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document129890.phtml>.
9. Tatarin A. I., Maltsev A. A. Transformatsiya nauchnogo znaniya pod vozdeystviem ekonomicheskikh krizisov [Transformation of scientific knowledge under the impact of economic crises]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii – Journal of Economic Theory*, 2016, no. 3, pp. 12–27.
10. Arrow K. Risky Business. *The Guardian*, 2008, Oct. 15.
11. Blanchard O. *Rewriting the Macroeconomists' Playbook in the Wake of the Crisis*. Available at: <http://blog-imfdirect.imf.org/2011/03/04/2662>.
12. Blanchard O. *The State of Macro*. NBER Working Paper No. 14259. Washington, DC: NBER, 2008.
13. Blaug M. Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics. In: Hausman D. M. (ed.) *The Philosophy of Economics: An Anthology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
14. Boumans M., Davis J. B. *Economic Methodology: Understanding Economics as a Science*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2010.
15. Burke P. *History and Social Theory*. Cambridge: Polity Press, 2005.
16. Christian D. Macrohistory: The Play of Scales. *Social Evolution and History*, 2005, vol. 4, no. 1, pp. 22–59.

17. Christian D. *Maps of Time: An Introduction to Big History*. Berkeley: University of California Press, 2004.
18. Christian D. The Return of Universal History. *History and Theory*, 2010, vol. 49, issue 4, pp. 1–16.
19. Christiansen C. O. From the “History of Economic Thought” to “Economic Intellectual History”. *Ideas in History: Journal of the Nordic Society for the History of Ideas*, 2012, vol. 6, no. 2.
20. Christodoulakis N. *How Crises Shaped Economic Ideas and Policies: Wiser After the Events?* Heidelberg, N. Y.: Springer, 2015.
21. Coase R. H. *Essays on Economics and Economists*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1994.
22. Dardi M. Gallegati M. Alfred Marshall on Speculation. In: Wood J.C. (ed.) *Alfred Marshall: Critical Assessments*. L., N. Y.: Routledge, 1996. Vol. VIII.
23. Davies P. Taking Science on Faith. In: Yagelski R.P. *Writing: Ten Core Concepts*. Stamford: Cengage Learning, 2015.
24. Drakopoulos S. A., Karayiannis A. D. A Review of Kuhnian and Lakatosian “Explanations” in Economics. MPRA Paper, 2005, no. 16624.
25. Dunn B. *Neither Free Trade nor Protection: A Critical Political Economy of Trade Theory and Practice*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2015.
26. *Exchanges of Economic, Legal and Political Ideas*. Available at: <http://www.fas.harvard.edu/~histecon/exel>.
27. Faggini M., Parziale A. The Failure of Economic Theory. Lessons from Chaos Theory. *Modern Economy*, 2012, no. 3, pp. 1–10.
28. Friedman M. *Capitalism and Freedom*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2002.
29. Galtung J. Macrohistory and Macrohistorians: A Theoretical Framework. In: Galtung J., Inayatullah S. (eds.) *Macrohistory and Macrohistorians: Perspectives on Individual, Social, and Civilizational Change*. Westport: Praeger, 1997.
30. Goodwin N. R., Ananyin O. I., Ackerman F., Weisskopf T. E. *Economics in Context: The Need for a New Textbook*. Global Development and Environment Institute Working Paper. 1997. No-00-02.
31. Jackson W. A. *Economics, Culture and Social Theory*. Cheltenham: Edward Elgar, 2009.
32. *Jeremy Cliff Interviews Professor Allan H. Meltzer*. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2003/06/pdf/people.pdf>.
33. Kuhn T. *The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change*. Chicago, IL.: The University of Chicago Press, 1977.
34. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions. With an Introductory Essay by Ian Hacking*. Chicago, IL.: The University of Chicago Press, 2012.
35. Olasky M. N. The Aborted Debate Within Public Relations: An Approach Through Kuhn’s Paradigm. In: Grunig J. E., Grunig L. A. (eds.) *Public Relations Research Annual*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1989. Vol. 1.
36. *Project Objective*. Available at: <http://www.fas.harvard.edu/~histecon/exel/objective.html>.
37. Robbins L. *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. L.: MacMillan & Co., 1932.
38. Rothbard M. N. *An Austrian Perspective on the History of Economic Thought*. Auburn: Ludwig von Mises Institute, 2006. Vol.1.
39. Solomou S. Kondratieff Long Waves in Economic Growth, 1850–1913. *Review: A Journal of the Fernand Braudel Center*, 1987, vol. 10, no. 3.
40. Solomou S. *Phases of Economic Growth: Kondratieff Waves and Kuznets Swings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
41. Stehr N., Ericson R. The Culture and Power of Knowledge. In: Stehr N., Ericson R. (eds.) *The Culture and Power of Knowledge: Inquiries into Contemporary Societies*. Berlin, N. Y.: Walter de Gruyter, 1992.
42. Tieben B., Keizer W. Introduction: Austrian Economics in Debate. In: Tieben B., Keizer W., van Zijp R. *Austrian Economics in Debate*. L.: Routledge, 1997.
43. Wessel D. *Olivier Blanchard’s Five Lessons for Economists from the Financial Crisis*. Available at: <http://blogs.wsj.com/economics/2013/04/01/olivier-blanchards-five-lessons-for-economists-from-the-financial-crisis>.
44. Yonay Y. P. *The Struggle over the Soul of Economics: Institutional and Neoclassical Economists in America between the Wars*. Princeton: Princeton University Press, 1998.

Contact Info:

Aleksandr A. Maltsev, Cand. Sc. (Econ.),
Associate Prof. of Global Economy Dept.
Phone: (343) 221-27-10
e-mail: almalzev@mail.ru

Urals State University of Economics
62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg,
Russia, 620144

Ссылка для цитирования: Мальцев Ал. А. Есть ли будущее у экстерналистской трактовки изучения истории экономической мысли? // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 6 (74). С. 64–76.

For citation: Maltsev Al. A. Est' li budushchee u eksternalistskoy traktovki izucheniya istorii ekonomicheskoy mysli? [Is there a future for the externalist approach to studying the history of economic thought?]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – Journal of the Ural State University of Economics*, 2017, no. 6 (74), pp. 64–76.